

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-231-241>

EDN: RBJZBG

Информационная статья / Information Article

Обзор научно-методологического семинара «Публичная власть и право кочевых цивилизаций»

Ц.Ц. Михеева

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

 mikheeva-tsts@rudn.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 01 сентября 2023 г.

Принята к печати: 15 января 2024 г.

Для цитирования:

Михеева Ц.Ц. Обзор научно-методологического семинара «Публичная власть и право кочевых цивилизаций» // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 1. С. 231–241.
<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-231-241>

Review of the scientific and methodological seminar Public Authority and the Law of Nomadic Peoples

Tsybik Ts. Mikheeva

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 mikheeva-tsts@rudn.ru

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

© Михеева Ц.Ц., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Received: 01st September 2023

Accepted: 15th January 2024

For citation:

Mikheeva, Ts.Ts. (2024) Review of the scientific and methodological seminar Public Authority and the Law of Nomadic Peoples. *RUDN Journal of Law*. 28 (1), 231–241. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-231-241>

В Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы 14 июня 2023 г. прошел научно-методологический семинар «Публичная власть и право кочевых цивилизаций», организованный совместно кафедрой публичной политики и истории государства и права и кафедрой теории права и государства. *Целью семинара* стало рассмотрение современных методологических подходов к кочевым обществам и цивилизациям. В рамках семинара шло рассмотрение историко-правового развития кочевых обществ, выявление существовавших в них форм управления и правовых институтов, установление тенденций вхождения народов кочевых цивилизаций в состав России и других государств, определение цивилизационно-культурных отличий кочевых обществ, идентификация происходивших в них процессов модернизации публичной власти и трансформации правовых институтов, сохранения традиций правовой культур кочевых обществ. В работе семинара приняли участие профессора, научные сотрудники, преподаватели и аспиранты из России и Казахстана.

Открыла методологический семинар профессор кафедры публичной политики и истории государства и права РУДН, доктор юридических наук *М.В. Немытина*. Обозначив цель и задачи мероприятия, она отметила значимость проведения правовых исследований в цивилизационно-культурном русле, одним из важных направлений которых являются проблемы кочевых цивилизаций. Было подчеркнуто, что обращение в рамках методологического семинара к проблемам организации публичной власти и правовых институтов в кочевых цивилизациях не является случайным. Эта проблематика во всей своей сложности и многоаспектности обнаружилась в связи с исследованиями, проводимыми соискателями кафедры, в которых ставятся проблемы генезиса и эволюции публичного управления и права на степных территориях, вошедших в XVIII–XIX вв. в состав России. Так, остро встали проблемы идентификации черт культуры кочевых цивилизаций применительно к калмыцкому и казахстанскому обществам, определения особенностей организации там публичной власти и поддержания правопорядка, сохранения и трансформации правовых традиций и опыта кочевых цивилизаций при вхождении Калмыцкого ханства и казахстанской степи в состав России, взаимного влияния институтов публичной власти и права кочевых обществ и российского общества имперского государства и права и опосредованно – на отношения в современном обществе у народов Калмыкии и Казахстана, где усиливаются тенденции национальной идентичности, в том числе в государственно-правовой сфере.

С большим вниманием участники семинара заслушали сообщение ведущего научного сотрудника Института востоковедения РАН, доктора исторических наук, профессора *А.Ш. Кадырбаева* «*Кочевники Евразии и их цивилизационно-культурный облик*». Докладчик подчеркнул, что история многотысячелетней человеческой цивилизации является, в определенной степени, историей взаимодействия кочевого образа жизни и оседло-земледельческого уклада, когда возникновение и развитие этих двух видов экономики имели огромные последствия, несравненно расширив область

трудовой деятельности человека и, в то же время, качественно изменив ее характер. Почти два тысячелетия в степях Евразии доминировали империи, созданные кочевыми народами, когда де-факто это было время расцвета степных обществ, «золотой век» номадизма. Их соседи, представлявшие народы оседлой культуры, описывают кочевников как воинственных «варваров», основными занятиями которых были набеги на оседлые государства и войны между собой. Хотя жизнедеятельность кочевых империй была более сложной. Кочевники не только заимствовали изобретения у своих оседлых соседей и активно их распространяли, но и сами внесли важный вклад в историю человечества в связи с появлением колесниц и верховой езды, распространением бронзолитейного производства в Старом Свете, изобретением стремян, созданием тяжелой кавалерии, распространением индоевропейских и тюркских языков¹. Именно кочевникам принадлежит ведущая роль в распространении открытий в Старом Свете: одомашнивание лошади и распространение колесного транспорта, способствовавшие темпам распространения информации и товаров престижного потребления. С подобной точки зрения роль кочевников в мировой истории должна быть переосмыслена. Если в классических работах по истории их считали уничтожителями цивилизаций, то в контексте мир-системных процессов именно кочевники в течение длительного периода времени являлись трансляторами информации между оседлыми цивилизациями. Они способствовали развитию торговых контактов, распространению религий и географических знаний, развитию информационных сетей и технологических обменов между различными цивилизациями. При этом, как правило, хотя и не всегда, кочевники были катализаторами этих процессов. Причем, кочевники часто выступали в роли инициаторов тех или иных заимствований, когда культурный обмен становился возможным не только потому, что с созданием кочевых империй возникали устойчивые и безопасные маршруты международных торговых путей, но и из-за того, что так желали правящие элиты степных империй. Именно благодаря кочевникам в лице монголов Чингисхана в средневековой истории появилось явление, образно названное монгольской глобализацией, когда монгольские завоеватели замкнули цепь международной торговли в единый комплекс сухопутных и морских путей, и все крупные региональные центры Евразии (Европа, исламский мир, Индия, Китай, Золотая Орда) оказались объединенными в первую средневековую мир-систему, когда в Великой степи как мираж возникли города Каракорум, Сарай – центры политической власти, транзитной торговли, многонациональной культуры и идеологии². В течение длительного исторического периода кочевые народы преобладали над оседлым миром в военном отношении, начиная с классической древности вплоть до рубежа раннего Нового времени, когда, по образному замечанию Ф. Броделя, «порох и пушки одержали верх над их быстротой»³.

С XVII в. складывается новая, объединившая уже всю планету капиталистическая мир-система, где, казалось бы, уже не было места империям, созданных

¹ Крадин Н.Н., Базаров Б.В. Предисловие // Кочевые империи Евразии = Nomadic empires of Eurasia: особенности исторической динамики: монография / Отв. ред.: акад. РАН Б.В. Базаров, чл.-кор. РАН Н.Н. Крадин. М.: Наука–Восточная лит., 2019. С. 5.

² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII века. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. С. 440.

³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII века. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. С. 112.

кочевыми народами⁴. Тем не менее, последним аккордом в их существовании стало созданное калмыками Джунгарское ханство, последняя кочевая империя евразийских степей.

Следует помнить, хотя многие прежде кочевые народы давно уже ведут оседлый образ жизни, тем не менее, истоки их культуры – в кочевом прошлом, наложившем неизгладимый отпечаток на их современную культуру. Вместе с тем, хотя ныне ареал кочующих народов сократился, в современном мире остались кочевники – пуштуны Афганистана, арабы-бедуины Аравии, Синая, берберы Сахары. При преобладании оседлой культуры невозможно представить мировую историю без кочевых народов.

Завершая свое выступление, профессор А.Ш. Кадырбаев отметил научную и политическую актуальность выполненного на кафедре публичной политики и истории государства и права РУДН исследования Е.А. Команджаева, получившего завершённый характер в виде вынесенной на публичное обсуждение докторской диссертации. Кочевой образ жизни определял жизнедеятельность многих народов России, в том числе и калмыков, которым посвящено исследование Е.А. Команджаева, а также придал неповторимое своеобразие их взаимоотношениям с другими народами России, прежде всего с русским народом, с которыми они разделили общую историческую судьбу.

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова, кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры публичной политики и истории государства и права РУДН Е.А. Команджаев выступил с сообщением на тему «*Институты публичной власти калмыцкого кочевого общества в цивилизационной картине дореволюционной России*». После обзора российской и западной историографии по изучению истории кочевых народов, в том числе калмыцкого, с позиций цивилизационного подхода он отметил, что категория «кочевая цивилизация» можно считать вполне устоявшимся в исторической литературе. Однако в историко-правовой науке это понятие только утверждается и требует осмысления с позиций формирования публичной власти в кочевом обществе, сосуществования институтов российского централизованного государства и традиционных институтов власти кочевых обществ.

Сторонники концепции кочевой цивилизации отмечают ее главные структурные составляющие: длительность существования, обширная география ее доминирования, уникальность развития, самобытность и оригинальность традиций, скотоводческое хозяйство и др. Многие авторы обращают внимание на решающие роли климата и природы на кочевое хозяйство, на реализацию завоевательных нашествий кочевников, выделяют характерные черты кочевого хозяйства. Кроме того, констатируется абсолютная роль государства в восточных обществах, в том числе и кочевых. В то же время организация власти в кочевых обществах не подпадает под разработанные в теоретико-правовой науке и устоявшиеся признаки государства.

По признанию дореволюционных исследователей, калмыки являлись самым известным азиатским народом дооктябрьской России. Во-первых, калмыки осуществили последние во всемирной истории трансконтинентальные переходы кочевников в XVII–XVIII вв., существенно изменив этническую карту Нижнего Поволжья, Северного Прикаспия, Предкавказья. Во-вторых, калмыки сыграли важную роль в

⁴ Крадин Н.Н. Динамика кочевых цивилизаций // Кочевые империи Евразии... С. 441.

расширении границ Российской империи, поскольку являлись одной из важнейших сил, обеспечивших российское преобладание в громадном регионе Юга страны. В-третьих, калмыки являлись особым кочевым народом России со значительной дороссийской законодательной традицией и историей государственности. И эти традиционные черты были основой формирования автономного Калмыцкого ханства на юге России. Калмыки – буддийский народ, что повлияло на формирование у них буддийского мировоззрения и миропонимания. И, наконец, калмыки являются классическими представителями кочевой цивилизации, сохранявшие традиционный уклад жизни до 30-х гг. XX в.

Калмыки в Нижнем Поволжье и Прикаспии существенно отличались от своих соседей, что способствовало консервации традиционных основ калмыцкого общества. В целях сохранения этих основ в новых условиях создавалось Калмыцкое ханство. В этот период Калмыкия являлась самостоятельным цивилизационно-культурным пространством с определенным набором составлявших его структурных элементов: государственность с традиционными институтами публичной власти; право, основанное на традициях и нормах общепринятого в монгольском мире законодательства; кочевая экономика; коллективное и традиционное землепользование; социальные отношения, регулировавшиеся как обычным правом, так и письменными законодательными актами; традиционная система морально-нравственных ценностей.

К числу традиционных институтов публичной власти относились следующие: институт ханской власти с бюрократическим аппаратом, институты нойонов и зайсангов с полагающимся штатом служителей в улусах и аймаках, собрания знати, институт зарго (центральный и улусные). В числе новых институтов с принятием буддизма у калмыков появился институт Ламы калмыцкого народа со штатом духовенства и подведомственными монастырями. В условиях непростых межэтнических и межконфессиональных отношений с соседними народами образовался институт бодокчеев. В ханстве самостоятельно решали свои внутренние вопросы и имелись внешние сношения с другими государствами, хотя и под контролем России. Причины создания, как и последующего развития ханства, имели цивилизационно-культурную основу, поскольку именно своя государственность обеспечивала калмыкам защиту и сохранение национальной идентичности в условиях непростого соседства с другими кочевыми и кавказскими народами и казаками.

В XIX в. в условиях интеграции региона в общероссийскую административную систему продолжали действовать некоторые традиционные институты публичной власти. Российскими нормативными правовыми актами были созданы органы местного самоуправления в виде улусных, аймачных и хотонных сходов, вполне созвучных коллективизму и традициям кочевников. «Положением об управлении калмыцким народом» 1847 г. была утверждена система попечительства в виде российских органов публичной власти: Управление калмыцким народом и улусные управления под руководством попечителей. Традиционный уклад жизни калмыков способствовал сохранению привычных нравственных качеств кочевников. В культурном отношении калмыцкое общество представляло собой носителя другой восточной культуры с собственными социальными институтами и ценностями.

С сообщением на тему *«Цивилизационный подход и азиатский способ производства»* выступил профессор кафедры теории права и государства юридического института РУДН, доктор юридических наук *Г.И. Муромцев*. Он отметил, что проблема,

рассматриваемая на семинаре, порождает прежде всего вопрос о месте кочевых цивилизаций в мировой истории. В этой связи чрезвычайно актуальна проблема азиатского способа производства. Дело в том, что советская, или «марксистско-ленинская» теория государства и права, «не заметила» исторической стадии, или формации, названной Марксом «азиатский способ производства». Российские учебники по дисциплине «Теория государства и права» до сих пор излагают вопросы происхождения права и государства в основном согласно концепции Энгельса, отраженной в его работах, речь в которых шла о том, что государство и право складываются в процессе перехода от родового строя к классовому обществу, которое является поначалу рабовладельческим. Концепция кочевых цивилизаций, естественно, не вписывается в такое видение проблемы. Поэтому называть подход к ее исследованию цивилизационным, как это делает Е.А. Команджаев, некорректно. Речь должна идти о некоем гибридном подходе, отражающем переход не к рабовладельческой формации, а к азиатскому способу производства.

Современной наукой доказано, что азиатский способ производства является универсальной стадией истории, или общественной формацией, характерной для раннеклассовых обществ. Через эту стадию проходят все народы на раннеклассовой стадии своего развития. Отечественный историк и этнолог Ю.И. Семёнов определяет ее как феодально-рабовладельческую формацию, в которой слабо развитые феодальные и рабовладельческие отношения переплетены родовыми пережитками.

Возникает вопрос, что же понималось здесь под правом? Ответ на него предполагает учет культурных особенностей той эпохи, отражающих специфику психики, мировосприятия, механизмов регуляции поведения и т. д. Иными словами, мы стоим перед необходимостью расширения рамок исследования, использования наработок смежных дисциплин, при этом не только гуманитарных, но и естественно-научных. Так, в нашей правовой литературе никто не заметил, что в правовых системах, которые мы называем «азиатскими», сочетаются линейное время и его отсутствие, характерное для первобытного общества. Там развитие воспринималось циклически. Оно шло вроде бы вперед, потом возвращалось назад, из реальности могло перекинуться в потусторонний мир и т.д.

Эти особенности недостаточно учтены и при исследовании монономы (термин введен А.И. Першицем). Слитность права, морали и религии — лишь один из ее признаков. Ведь речь идет об эпохе бесписьменной культуры, поэтому слитность норм проявляется на уровне сознания, психики, реального поведения, мировосприятия и т.д. Иными словами, речь идет о слитности «всего со всем». И самое главное в данном случае то, как воспринимается мировой порядок, мироздание, потому что право есть стержень этого порядка. А в условиях слитности сфера действия права неизбежно включает в себя не только реальные отношения, но и отношения сверхъестественные. Поэтому право не нуждается в аппарате, призванном принуждать к соблюдению его норм. Причем ни в одной правовой системе право или то, что мы сегодня называем правом, не определяется термином, адекватным нашему пониманию права. Шариат в исламе, галаха в иудаизме, дхарма в индуизме и так далее, — все они имеют примерно одинаковый смысл — путь, правильный путь в жизни, правильное разумное поведение. Хотя данные примеры не связаны с кочевыми цивилизациями, однако они отражают те же самые закономерности становления и развития права.

Работу семинара продолжил доклад профессора кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессора кафедры публичной политики и истории государства и права РУДН, доктора юридических наук *К.Е. Сигалова* на тему: «*Кочевые цивилизации*».

Все человеческие сообщества проходили стадию кочевания, но номадами стали не все – для того, чтобы стать таковыми необходимо было приобрести ряд характеристик, важнейшей из которых является технологическая – второе разделение труда. Как правило, сообщества, в основе ведущей производственной экономики которых было скотоводство, стали кочевниками, земледелие – оседлыми. Как правило, но не всегда. Скот был у всех, а кочевали и охотники, и рыбаки, и субкриминальные сообщества. Важной особенностью социального регулирования и нормативности любых номадов всегда была опора на традицию, причем это не всегда был признак отсталости, а, скорее, особый способ легитимации властных отношений.

Не ясно, лежит ли агрессия как фактор отношений с окружающим миром в основе всех номадических сообществах или это феномен пассионарности отдельных номадических цивилизаций – там, где избыток энергии переливается через край. Система властных отношений в номадических цивилизациях принципиально отличалась от оседлых. А) У агрессоров: В производстве занято 20 % населения, остальные силы на войну. Б) Отношения господства-подчинения не носили столь ярко выраженных вертикальных отношений, но горизонтальных отношений в западном смысле слова тоже не было; в) отношения степь–оседлые–город. Степь постоянно нависает над всеми (Ибн Хальдун).

Религия напрямую не соотносится с номадизмом (не все кочевники мусульмане, и не все мусульмане – кочевники). Традиционность вызывает интенцию уважительного отношения к прошлому – отсюда сохранение наследия Античности, с одной стороны, но дикий консерватизм – с другой стороны.

Отношения пространства и времени другое, нежели в оседлых (легкое отношение ко времени и неприятие четких границ). Песок как море. Механические часы и требование к установлению границ. Номады как окружающие оседлых, и номады как внутри оседлых. Номады, ставшие оседлыми (Венгрия).

Закрытость не позволяет понять многих факторов нормативности и правосознания. Знаем о ясе Чингисхана, многое об исламе, но воспринять во всей полноте смыслов смысл кочевой цивилизации не получается. Это очень особое право, очень особые властные отношения, очень особая государственность, очень особая ментальность. А может быть как раз это и есть ведущий способ мироустройства, просто мы об этом не догадываемся. Поднятая тема очень важна именно в силу данных причин.

Далее на семинаре было заслушано сообщение заведующей кафедрой теории и истории государства и права Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, кандидата юридических наук, доцента *Ф.Г. Камкиш* на тему: «*Традиционная правовая культура в контексте современных трансформаций общества*». Существование двух противоборствующих тенденций в современном мире: с одной стороны, рост глобализации, взаимозависимости и целостности человечества, с другой – усиление национального самосознания, стремление сохранить национальную культурную самобытность, формируют два разнонаправленных вектора развития. Движение в направлении универсализации (унификации) разворачивается параллельно со стремлением к уникализации в праве (иными словами, к сохранению своеобразия, самобытности, в конечном счете

всего того, что отличает одну культуру от другой). Современный период ознаменовался активным обращением исследователей в России и других странах постсоветского пространства к цивилизационному подходу. Авторы отмечают, что на рубеже XX–XXI вв. в отечественное правоведение в качестве новой парадигмы внедряется цивилизационный подход, в русле которого развитие стран и населяющих их народов, жизнь людей, эволюцию социальных систем, институтов публичной власти и правовых форм предопределяет принадлежность к цивилизации.

В контексте обсуждаемой проблематики важно подчеркнуть, что именно в рамках цивилизационного подхода проявилась попытка интерпретации прошлого как диалога культур, результатом которого выступает взаимное обогащение культур. Концепция локальных цивилизаций с этой точки зрения – попытка сохранения этнокультурной специфики и обоснования того, что разные культуры могут двигаться по-разному в историческом пространстве, разными путями и с разной динамикой развития. В этом смысле цивилизационный подход в определенном смысле позволяет снимать напряжение, так как унифицирующее влияние интерпретируется с позиций диалога культур, позволяющего обмениваться знаниями и опытом. Следует также подчеркнуть, что, несмотря на выявление в цивилизационном подходе неких «существенных эвристических пределов», он дает положительные результаты, так как в нем есть этическая моральная правота, позволяющая восстановить в праве долгое время пренебрегаемую цивилизационно-культурную специфику, благодаря тезису о том, что каждая культура уникальна и в основе каждой культуры лежит неповторимый образ. С этой точки зрения исследование права кочевых цивилизаций, с позиций взаимодействия и взаимовлияния в цивилизационной картине дореволюционной России, представляет, безусловно, научный интерес, так как позволяет «путем пристального взглядывания» в историю народа понять его культуру и мировоззрение, увидеть специфику развития и устройства обществ евразийского степного коридора.

Особо следует отметить стремление автора представленного исследования – Е.А. Команджаева – рассмотреть сквозь призму современности особенности вхождения (присоединения) народов кочевых цивилизаций в лице калмыков в состав России, придавшее неповторимое своеобразие их взаимоотношениям с другими народами России, прежде всего с русским народом, с которыми они разделили общую историческую судьбу. Внимания заслуживает мнение Е.А. Команджаева о том, что получение подданства Российской империи позволило калмыкам получить новый импульс для развития – наладились торговые отношения и товарооборот, появились государственные органы управления и т.д. Исследование отдельных культур и истории народов позволяет актуализировать вывод о том, что «цивилизации» всегда нуждались друг в друге, подпитке своей парадигмы со стороны других культурных ценностей, и для всех нужна была общая картина «ойкумены», а не только своего «мира»⁵.

Бакирова А.М., старший юрист ТОО «SILA Central Asia» (г. Астана, Республика Казахстан) в своем выступлении на тему: «*Правовая культура казахстанского общества в контексте евразийства и кочевой (степной) цивилизации*» отметила, что кочевничество – это самобытная национальная история казахов.

⁵ *Пиков Г.Г.* О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи». Статья первая: «Кочевая цивилизация» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. № 1. С. 4–10.

В работе А. Тойнби «Постижение истории» общества, которые родились, но были остановлены в своем развитии после рождения, так называемые задержанные цивилизации, относились к третьему классу цивилизаций. К ним отнесены полинезийцы, эскимосы и кочевники, являвшиеся заложниками географических, климатических условий. Думается, что одной из причин такого вывода послужил тот факт, что до XV–XVI вв. европейцы знали о кочевниках лишь по их периодическим нашествиям на Европу и воспринимали кочевые народы не иначе как своих врагов. А. Тойнби писал о кочевниках, что «они не в силах создать цивилизованное общество и государство без помощи извне»⁶. По его умозаключению, в этом им должны помочь оседлые народы.

Позицию европоцентризма, не признававшего кочевую цивилизацию и роль тюрков в ее истории, опровергал Л.Н. Гумилев. Проводимые археологические раскопки в Южной Сибири, Средней Азии привели к однозначному выводу о существовании кочевой цивилизации народов Евразии, которая появилась задолго до других цивилизаций, и за 3000 лет прошла все этапы творческой эволюции. Он отмечал: «неправильно думать, что в кочевом обществе невозможен технический прогресс. Кочевники... изобрели такие вещи, которые ныне вошли в обиход человека как нечто само по себе подразумевающееся»⁷. Одновременно с Л.Н. Гумилевым А.П. Окладников открыл по материалам археологических раскопок цивилизацию тюркских народов Сибири. «Древняя тюркская Сибирь, писал А.П. Окладников, оказалась теснее связанной с Западом, чем с Востоком. Ее культура намного богаче и ярче, чем можно было полагать ранее»⁸.

Неугасающий интерес к обществу номадов или к кочевой цивилизации связан с преодолением европоцентризма, дальнейшим активным развитием неевропейской историографии. С 1920–1940-х гг. кочевая цивилизация становится предметом специальных исследований казахстанских ученых. В современной историографии Казахстана проблема изучения цивилизации кочевников является сколь актуальной, столь и сложной. Если с мнением, что кочевая цивилизация – закономерное явление в истории человечества, своеобразный вид хозяйственной деятельности и жизненного уклада, согласно большинство ученых, то, например, в работах С.З. Зиманова, В.Ф. Шахматова, С.Е. Толыбекова, Н.Э. Масанова говорится о том, что кочевники самостоятельно достигают первых ступеней классового общества, а дальнейшее их развитие зависит от влияния оседлых народов, т. е. кочевой социум – это общественно-историческое объединение с ограниченными перспективами развития. Но в последнее время все чаще звучат высказывания, подчеркивающие высокий уровень культуры и социального устройства древних и средневековых кочевых объединений.

Участники научного методического семинара озвучили ряд вопросов, которые встают перед исследователями в ходе изучения проблемы, заявленной в названии семинара. Профессор *К.Е. Сигалов* отметив, что в советской историографии преобладала формационная теория, цивилизационная теория не была особенно разрешена, заинтересовался, каким образом данная тенденция в советской науке сказалась на исследованиях кочевых цивилизаций в целом? *Е.А. Команждаев* согласился, что в советской историографии мало внимания уделялось цивилизационным отличиям

⁶ Тойнби А.Дж. *Постижение истории*. М.: Наука, 1991. С. 77–79.

⁷ Гумилев Л.Н. *Тысячелетие вокруг Каспия*. М.: Изд-во АСТ, 2002. С. 122.

⁸ Цит. по: *Исмаилов Т.* Колыбель тюркского мира. Режим доступа: <https://sovetveteranov.kz/tpost/e6dt7oi4p1-kolibel-tyurkskogo-mira> (дата обращения 12.07.2023).

у кочевых народов: «В советской исторической науке встречается понятие “кочевой феодализм”. Ряд исследователей, например Б.Я. Владимирцов, заложили основы советского понимания кочевого феодализма, когда отмечали наличие у кочевых народов феодальной собственности на скот. В Казахстане авторы также отмечали, что основой феодализма здесь была собственность на скот и землю». *Сигалов К.Е.* усомнился в обоснованности применения термина «кочевой феодализм». Ведь, если вести речь о феодализме, то прежде всего в рамках формационного подхода рассматривается собственность на землю – К. Маркс писал о том, что феодализм характерен только для Западной Европы. Восточная Европа и Россия не знали феодализма и поэтому нет возможности говорить о феодализме у кочевников, нет технико-юридических оснований для обоснования феодальных отношений в кочевом обществе.

Далее профессор *К.Е. Сигалов* обратился к аудитории с вопросом: «Был ли связан с соотношением феномена агрессия с феноменом кочевая?» Агрессия бывает разной, заметил он, приведя в пример монголо-татарское нашествие на Русь и на другие территории, которое носило иной характер в сравнении с другим примером – завоевание арабами территорий, занятых ими до IX в., *Е.А. Команждаев* предположил: «Вероятно, причина завоеваний кроется в потребности в продуктах оседлого хозяйства, отсюда – нашествия, взимание дани и пр.».

Профессора *Немытину М.В.* в контексте услышанного волновал вопрос о соотношении институтов публичной власти в кочевых цивилизациях с таковыми у оседлых обществ. Есть ли принципиальные различия? *Е.А. Команждаев* обратил внимание на несколько признаков публичной власти у кочевых цивилизаций: замкнутость кочевых обществ, слабые связи, отсутствие разветвленного бюрократического аппарата, мобильность. Есть и схожие черты, в качестве примера можно привести ханскую власть, соотносимую с властью абсолютного монарха.

Доцента кафедры теории права и государства РУДН, кандидата юридических наук *Р.М. Аллалыева* заинтересовало, могут ли быть выявлены в ходе проведения исследований закономерности, которые есть в кочевых правовых институтах и привели ли выявленные закономерности к чему-то, чего достигли оседлые цивилизации, *Е.А. Команждаев* высказал свое отношение к поставленной проблеме: «рассмотрев развитие институтов публичной власти начиная с образования Калмыцкого ханства и до 1917 года, полагаю, что сильного развития не наблюдалось: имеющиеся институты публичной власти не эволюционировали, они оставались традиционными в течение длительного времени, и лишь в XIX веке, когда калмыки попали под российское управление, когда территории были включены в состав Астраханской губернии, появились государственные органы управления, стремление сохранить сложившийся традиционный уклад являлись главной закономерностью, и эта приверженность традициям не позволила эволюционировать публичным институтам во что-то такое более совершенное».

Доцент кафедры теории и истории государства и права Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы *И.З. Суханова* определила следующий аспект обсуждаемой проблемы: «Выделяя традиционность калмыцкого общества характерной чертой данной кочевой цивилизации, можно задать вопросом: содержал ли он морально этический комплекс, свойственный всем традиционным обществам, и был ли он схож с монгольским либо он имел свои собственные уникальные особенности? И, если мы выделяем его как отдельную цивилизацию, то какую можно выделить цивилизационную

составляющую именно калмыцкого общества? Сложился ли какой-то свой набор этических, моральных правил, которые сложились в XVI–XVII вв.?». *Е.А. Коман-ждаев* заметил, что калмыцкое общество как часть монгольского общества обладало теми же духовно-нравственными ценностями, что и многие кочевые народы.

В конце семинара были подведены итоги, его участники отметили, что заседание состоялось на интересную тему – в ключе изменений научных и методологических подходов в исторической и юридической науках является значимым обращение к изучению истории становления и развития институтов публичной власти и права у кочевых народов. Научная и методологическая составляющая прозвучавших докладов и их обсуждение позволили участникам семинара обозначить проблематику в изучении кочевых обществ и цивилизаций в контексте проблем организации институтов публичной власти и права.

Сведения об авторе:

Михеева Цыбик Цырендоржиевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры публичной политики и истории государства и права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0003-0057-8673; SPIN-код: 9282-4232

e-mail: mikheeva-tsts@rudn.ru

About the author:

Tsybik Ts. Mikheeva – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Public Policy and History of State and Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-0057-8673; SPIN-code: 9282-4232

e-mail: mikheeva-tsts@rudn.ru